

Гость «ВК»

«И никто не скажет теперь, что то, что я делаю, — это плохо. Потому что то, что я делаю, — это хорошо!»

Появление Анастасии в телевизионной программе, славящейся поиском необычных человеческих характеров, на первый взгляд озадачивало. Но в «Белую ворону» случайные люди не попадают.

Мне открыли дверь, провели бесконечными коридорами-лабиринтами в комнату коммуналки на Тверской. Меня напоили кофе и угостили сыром. В улыбке хозяйки — сарказм и открытость. Она была готова и к отпору, и к пониманию.

Музыкальные пристрастия человека моего возраста вырастали из детской влюбленности в Аллу Пугачеву, преклонения перед Гребенщиковым и завершились на искренней скорби по Виктору Цою. А все то, что в изобилии льется с экрана по «2x2» и в «50x50», если не презренное, то по крайней мере — второсортное.

лучия. От того, что все хорошо. Это все равно, что любят тебя, а ты — нет.

— По-моему, не так уж плохо.

— Это ужасно! Любить — это мучиться, за все платить. Но, конечно, надо знать, за что платишь. Я знаю, за что плачу.

— Ты счастлива?

— «Сама себе завидую. Забыла все обиды я.

Что было, то выдуло весенним ветерком.

Опять спокойна с виду я, опять способна выдумать,

Вдохнуть в себя и выстроить мир целый ни на чем...».

Это Карина Степановна Филиппова. Мой друг и кумир. Мечта — пластинка на ее стихи... Из-за шкафа выглянула физиономия с темной косичкой:

— Мам! Ой, здрасте. Где моя подушка?

— Так... Это бесконечно. Спокойно, я скоро, — и стремительно, как все в ее жизни, Настя вышла из комнаты.

— Ты любишь ее?

Худой человек с седыми висками подлил мне кофе и тихо, в два раза тише, чем говорила Настя, произнес:

— Ненавижу... Если бы не она, мне бы нечего было делать. Неприятностей не было бы. А значит, и удач.

Некто Саша. Кто он, коммерческий директор, друг, муж или любовник? Нас не касается. Саша — это единственное, в чем Насте

АНАСТАСИЯ — КОРОЛЕВА КОММУНАЛКИ

Наглая, самоуверенная, с апломбом звезды — такой она появилась в программе РТР «Белая ворона»

Вед. Андрей - 1992 - 18 июля - с 7.

— Ты занимаешься «попсой»?

— Нет. Я пою популярную музыку. Эдит Piaф — мой кумир — это тоже поп-музыка. «Попс» — слово на «псину» похоже, и там все «Миражи», «Ласковые майи» — это действительно «попс». А вот то, что раньше делала Алла Пугачева и что сейчас делаю я, — это шансон. Маленький спектакль, глубоко текстовый и личный.

— После песен Эдит Piaф хочется жить. Неужели твой «Желтый дым» или «Давай поговорим» дают какой-то выход?

— Конечно. Да, больно, да, плохо. Но выход есть. Это где-то чуть-чуть, но обязательно звучит. Я ненавижу, когда на моих концертах танцуют. Значит, барабанный ритм заглушает подачу изнутри.

— Ну и чем ты отличаешься от всех этих многочисленных Маш, Люсь, Дим, Барби?

— Во-первых, тем, что я — Анастасия. А, во-вторых, строить брови домиком, изображать страдания, когда у тебя все хорошо и тебя всюду протаскивали любовники, родственники, спонсоры, — это пошлость. Это ложь на сцене. А я — не лгу. Мы все одинаково устроены, и если предали, бросили, неожиданно дали по морде — мы все одинаково чувствуем боль. И Эдит Piaф не была бы собой, если бы родилась в замке, а петь начала не на улице.

...Дальше, по идее, должен следовать рассказ о сложной судьбе, перипетиях и разочарованиях певицы Анастасии. Но, право слово, не хочется. Надоело. Нас всех в чем-то когда-то не признавали. И всем сейчас настолько тяжело, что еще одна нелегкая судьба — ведро воды во времена всемирного потопы.

Тем более что у Насти в принципе все нормально. Она живет в коммуналке, но дай нам Бог каждому такую коммуналку — по местонахождению, метражу, потолкам и окнам. Когда-то она поругалась с Аллой Пугачевой. «Матушка-сударыня» русско-советской эстрады вырезала из «Рождественских встреч» песню начинающей звезды. И я думаю, что правильно сделала. Чутье Аллы Борисовны в который раз не подвело: Баливар не выдержит двоих — конкурентов лучше убирать сразу. Анастасию не любят дельцы шоу-бизнеса. Но ей на это глубоко плевать. Сама себе королева.

— Я не считаю себя звеном шоу-бизнеса и не хочу, чтобы это когда-то произошло. Это — индустрия, страшный комбинат.

— Хорошо, что хоть кто-то стал заниматься музыкальным шоу...

— Нехорошо. Это ужасно, когда наши менеджеры говорят: «Дайте мне пять миллионов, и я сделаю звезду из любого!» Чуть, ерунда. Зрителя, как женщину, не обманешь.

Ну а предположим, Богдан Титомир? Сделали же звезду из...

— Не звезду, а гастролера. Бабочка. Пену снимают и качают деньги. А потом — пшик, и нету его. Все. Нету... Понимаешь, у нас семейственность. Ну вот пьют они вместе во Дворце молодежи и тащат друг друга за уши. Ну какие же это звезды? Это касты, тусовки, кланы.

— А чем ты им можешь помешать?

— За меня больше платят.

— Кто?

— Зрители. Предположим, в один город приеду я и тот же Титомир. Пойдут на мои концерты. У людей сейчас не так много денег, приходится выбирать.

— Публика «дура»?

— Никогда! Если артист считает так, он — профнепригоден, он — сам дурак. Публика — твой великий судья, твой друг и враг. Хороший враг, который не прощает лжи. Я — вахтанговка, и для меня как актрисы самый страшный порок — не уважать своего зрителя.

...«Я» выпирает, порой шокирует. Но в сущности, — «Я» не за счет других, а из огромной внутренней энергии, бьющей фонтаном. «Я» не отталкивает других. Она окончила Щукинское училище, была драматической актрисой. И по ходу разговора наряду с Эдит Piaф несколько раз произносилось имя Юрия Катина-Ярцева. «Я» необходимо на кого-то равняться.

На эстраде Анастасия всего два года. Выходит вторая пластинка, появляются песни на телевидении.

— Начнем с того, что Анастасия хочет выступать во всех концертах. Мои домашние знают, что такое Настя неделю без концерта. Это мегера. Летит посуда, сыплется брань. Меня нельзя пускать в магазин — я там с кем-нибудь обязательно подерусь...

Она — «наркоманка», она хочет, жаждет, ищет зрителя, и никакие «тузы» шоу-бизнеса ее не остановят. Она пела у Белого дома в концерте победителей. И как бы вы ни смеялись над фразой «Я там был», здесь я с Анастасией — эстрадно-шлягерной певицей.

— Я — россиянка... Я очень хотела там петь. И, наверное, в моей жизни никогда больше не будет такого концерта!

Музыку и тексты пишет сама. Готовится к выходу вторая пластинка: «И третья тоже... Она будет называться «Моим врагам». Может быть». В принципе, все есть или все еще будет. Споет, выступит, пробьется.

— ...Сохрани меня, Господи, от благопо-

можно позавидовать. Ручаюсь, ибо очень хочется, чтобы в мой адрес произнесли с такой любовью «ненавижу».

— Была крутая депрессия. Лежало «полено», смотрело в потолок, в лучшем случае пило водку. И вывести из этого состояния невозможно, потому что вот тут, в груди, лежит альбом — десять песен. Саша смотрел-смотрел, тормозил-тормозил. Потом ушел куда-то. Весь день его не было. А вечером пришел и высыпал на стол 40 нарядов на запись пластинок...

Как каждая женщина, каждая королева мечтает о принце, ибо королеву делают окружающие ее мужчины. Принц Саша до встречи с Настей был «вполне приличным» человеком: режиссером телевидения, скромным и неизвестным.

— Сейчас это коварный, хитрый, пробиной делец. Не имея ничего, он сделал все. Без денег, любовниц и любовников он пробивает мне концерты, организует гастролы, пластинки... Зелено-голубоглазый маньяк. Меня и моих песен.

— Ты хочешь убедить меня, что нет ничего и никого, кроме Саши?

— Клянусь, никого и ничего... Ну, может быть, еще мои поражения.

— То есть?

— Если бы не украли мою первую песню, моего «первого ребенка», не родилось бы еще пять. Ничего бы не было. Счастье в том, чтобы платить дорого.

Мы вернулись к исходной точке. О тяжелой судьбе певицы Анастасии я рассказывать не буду. Тем более что у нее все нормально. У нее есть Саша. Она работает отдельно от Пугачевой. Она не хочет зависеть от шоу-бизнеса. Она живет в коммуналке — в одной большой коммунальной квартире с нами. А наша жизнь — это склоки и скандалы, радость общения и ненависть к соседу, беднота кухни и огромность потолка.

— Понимаешь, самое главное в жизни — потолок! Чтобы было чем дышать и хотелось петь...

В коммунальной квартире кому-то хочется петь. Иногда это раздражает, иногда — радует. Но, может быть, соседу из темной дальней комнаты станет от этого легче. А самоуверенность — это не порок. Человек знает, что он хочет, и не скрывает этого. «Да, есть такая Анастасия!». Королева коммуналки. Коммуналки нашей жизни, нашего абсурда, нашей боли, нашей радости... В «Белую ворону» случайные люди не попадают.

Беседовала Ирина КОВАЛЕВА.